

- ⁷ См. подробнее, в особенности, *David E. Aristotle and Sparta*. P. 79–92, где критика Аристотелем современной ему Спарты совершенно обоснованно рассматривается отдельно от тех его общих критических замечаний, которые носят, скорее, теоретический характер. Ср. также работы, приведенные в примеч. 5.
- ⁸ См. подробнее, например, *Keßler E. Plutarchs Leben des Lykurgos*. Berlin: Weidmann, 1910. S. 6 sq. с кратким очерком традиции.
- ⁹ По условиям договора они должны были быть изгнаны с территории, надо полагать, Тегей (*Μεσσηνίους ἐκβαλεῖν ἐκ τῆς χώρας*), а также *μη ἐξιναί χρηστούς ποιεῖν*, фраза, перевод и значение которой до сих пор являются предметом дискуссий: см., например, *Jacoby F. ΧΡΗΣΤΟΥΣ ΠΟΙΕΙΝ* (Aristotle fr. 592 R[ose]) // *Classical Quarterly*. 1944. Vol. 38. P. 15–16, однако, ср., *Braun Th. ΧΡΗΣΤΟΥΣ ΠΟΙΕΙΝ* // *Classical Quarterly*. Vol. 44. 1994. P. 40–45, а также *Печатнова Л.Г. История Спарты: период архаики и касики*. СПб., 2001. С. 126–129.
- ¹⁰ Подробнее относительно соперничества Аргоса и Спарты за Кинурию, а также относительно локализации этого сражения, см., например, *Φάκλαρης Π. Αρχαία Κυνουρία: Ανθρώπινη δραστηριότητα και περιβάλλον. Θεσσαλονίκη, Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης*, 1985. Σελ. 33–36.
- ¹¹ Более подробно о причинах, темпах и последствиях олигантропии см., например, *Cartledge P. Sparta and Laconia: A Regional History 1300 to 362 BC*. L.: Routledge, 2002 (1979). P. 263–272.
- ¹² См., в особенности, *David E. Sparta between Empire and Revolution*. N.Y.: Arno Press, 1981. P. 50–65, где можно найти компактный и связный очерк развития античной традиции этого периода вместе с наиболее, как кажется, взвешенной исторической оценкой.
- ¹³ Более подробно о значении греческого перфекта см.,
- например, *Kühner R., Gerth B. Ausführliche Grammatik der Griechischen Sprache. Teil 2 Satzlehre, Bd. I*. Hannover, Leipzig: Hahn, 1898. S. 146–147, § 384.1; *Schwyzler E., Debrunner A. Griechische Grammatik, Bd. 2 Syntax und syntaktische Stilistik*. München: Beck, 1950. S. 286–287; *Cooper G.L. Attic Greek Prose Syntax. Vol. 1*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998. P. 627–629, § 53.3.0 и 53.3.2.
- ¹⁴ См., например, *Liddell-Scott-Jones, A Greek-English Lexicon*. Oxford: Oxford University Press, 1996. s. v. ἦκω I; *Smyth H.W. Greek Grammar*. Harvard: Harvard University Press, 1984. P. 426, § 1906.
- ¹⁵ Более подробно о значении греческого плюсквамперфекта см., например, *Kühner R., Gerth B. Op. cit.* S. 151, § 385.1; *Schwyzler E., Debrunner A. Op. cit.* S. 288–289; *Cooper G.L. Attic Greek Prose Syntax. Vol. 1*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998. P. 632, § 53.4.0.
- ¹⁶ См., например, *Weil R. Aristote et l'histoire. Essai sur la «Politique»*. P.: Klincksieck, 1960. P. 231–244; *De Laix R.A. Op. cit.* P. 21–30. Ср. также: *Cloche P. Aristote et les institutions de Sparte // Les Études Classiques*. Vol. XI. 1942. P. 289 sqq.
- ¹⁷ Ср., в особенности, *Доватур А.И. Указ. соч.* С. 242–243.
- ¹⁸ Подробнее см., *Stibbe C. Chilon of Sparta // Mededelingen van het Nederlands Historisch Instituut te Rome*. 1985. Deel 46. P. 13–14; *Печатнова Л.Г. Указ. соч.* С. 64–67. Ср., также, *Richer N. Les éphores. Études sur l'histoire et sur l'image de Sparte (VIII–IIIe siècles avant Jésus-Christ)*. P.: Publications de la Sorbonne, 1998. P. 121–128.
- ¹⁹ См., например, *Poralla P., Bradford A.S. Prosopographie der Lakedaimonier bis auf die Zeit Alexanders des Großen*. Chicago: Aris Publishers, 1985 (1913). S. 108–109, № 628 и 142 (последняя треть VIII в. до н. э.). Ср., однако, *Cartledge P. Op. cit.* P. 15–17 (первая четверть VII в. до н. э.).

УДК 94(48),01/021

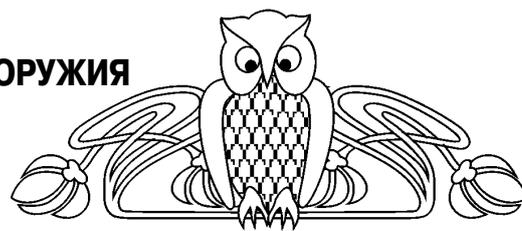
ВОЛЧИ, ВОРОНЫ И ЗМЕИНЫЕ МОТИВЫ В ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКОЙ СИМВОЛИКЕ ОРУЖИЯ

И.Ю. Философов

Саратовский государственный университет
E-mail: ifilosofov@gmail.com

В данной статье автор предпринимает попытку интерпретации трех наиболее значимых звериных образов эпохи викингов – волка, ворона и змея – в их мифологическом, ритуальном, социальном смысле. Основной задачей является демонстрация и анализ неразрывной связи звериной символики с характерным для древнесеверной мифологической и поэтической традиций культом оружия в различных его аспектах. Оружие предстает как необходимый элемент воинских инициаций молодежи, связанных с принятием «волчьей судьбы» через его обречение, как инструмент жертвоприношений, наконец, как иное воплощение символизируемого им зверя. В конце статьи делаются необходимые выводы.

Ключевые слова: эпоха викингов, скандинавская мифология, звериные символы, волк, ворон, змей, дракон, культ оружия, однизм, скальдическая поэзия, воинские инициации.

Wolf, Raven and Serpent Images in the Old Norse Weapon Symbolism

I.Yu. Filosofov

In the current article the author makes an attempt of interpretation of three most significant animal symbols of Viking Age – the Wolf, the Raven and the Serpent – in their mythological, ritual and social sense. The author's aim was to demonstrate and analyze the indissoluble connection between bestial symbolics and the cult of weapons, the inherent part of the Old Norse mythologic and poetic traditions, in the different aspects. The weapon appears as an essential element of youth warrior initiations, associated with acceptance of "Wolf Destiny" through the act of weapon-finding, as well as an instrument of sacrifices and, finally, as another em-

bodiment of symbolized beast itself. The necessary conclusions are done in the end of the article.

Key words: viking age, nordic mythology, animal symbolism, wolf, raven, serpent, dragon, cult of weapons, odinism, skaldic poetry, warrior initiations.

Животные образы древних культур, вне всяких сомнений, являются важнейшими элементами символических и мировоззренческих систем, которым они присущи. Даже сам набор «звериных» символов может служить для нас индикатором того, какие ценности в наибольшей степени распространены в этой культурной общности.

Волк, ворон и змея, предстающие перед нами едва ли не как основные символы эпохи викингов – а они широко фигурируют в эдических песнях, героических сказаниях, сагах, скальдической поэзии, наконец, в изобразительном искусстве – в этом ракурсе видятся довольно любопытными. Попробуем для начала, абстрагируясь от конкретно-исторической реальности, раскрыть каждый из этих образов с ассоциативной точки зрения и с точки зрения заложенных в них функций.

Из общих особенностей сразу бросается в глаза следующее обстоятельство – все перечисленные животные – хищники. Змеи и волки – хищники очевидные, вороны могут лакомиться как зерном, так и плотью. Впрочем, первым фактом тут можно пренебречь – в верованиях различных европейских народов закрепился образ ворона-падальщика, а не ворона-вредителя полей¹.

Второй момент, лежащий в области мифологии – и ворон, и волк, и змея – хтонические существа, связанные с разными подразделениями пространства, в той или иной степени враждебными людям. Так, волк² органично связан с Лесом, змея³ – с Лесом, Подземным миром и Океаном (мировой змей), в образе ворона также прослеживается связь с Подземельем (ищет пропитания в земле, поедает трупы, предназначенные для погребения, имеет черный «земляной» цвет). Несомненно, что волк, ворон и змей/змея/дракон – различные коннотации так называемого «зверя земли» – первородной дуальной хтонической силы⁴. Волки, змеи и вороны отождествляются в представлении скандинавов с враждебными людям силами из других миров – турсами/йотунами, троллями и т.д. Так, например, в прозаической части «Песни о Хельги сыне Хьёрварда» читаем:

Ехал Хедин домой из леса в вечер под Йоль и встретил женщину-тролля. Она ехала на волке, и змеи были у нее удилами⁵.

На волке же ездит и великанша Хюндла из «Песни о Хюндле», а само ее имя означает «собачка»⁶.

Третье обстоятельство, которое также необходимо отметить, – все эти существа выступают как посредники – между «здесь» и «там» (все три),

верхом и низом, водой и землей (змей), землей и небом (ворон), однако самый важный переход – переход между жизнью и смертью, миром живых и миром мертвых (все три). Волк, ворон и змей способны переносить человека, перемещать из одного пространства/состояния в другое (ср. известную из русских сказок поездку Ивана Царевича на сером волке, ритуальный транс, связанный с укусом змеи и т.д.). Например, ворон не просто пожирает трупы, он перемещает таким образом мертвых в надлежащее место, та же обязанность вменяется и змею (ср. имя дракона Граввитнир, «могильный змей», а также Нидхёгга, о котором было известно, что он пожирает мертвецов).

Четвертую особенность, логично следующую из третьей, в контексте рассмотрения скандинавской мифологической системы оставить без внимания невозможно. Змеи, волки и (в меньшей степени) вороны – звери мировой катастрофы и хаоса, призванные присоединить населенный человеком мир к хтоническому пространству «вокруг». Мотивы волко- и змеборчества в конце времен довольно популярны, у тех же скандинавов мы видим чудовищных Фенрира и Гарма (пес и волк – в известной степени тождественные символы⁷), а также волков, пожирающих солнце, и змея Йормунгарда, у иранских народов сохранились упоминания о тысячеголовом драконе, несущем погибель всему живому⁸ и т.д.

Наконец, пятое, подводящее нас к грани между мифическим и реальным, обстоятельство можно было бы охарактеризовать как социальный смысл. Действительно, рассматриваемые нами звериные символы несут в себе антисоциальный заряд, являясь синонимом незаконного общественного статуса. Здесь, несомненно, самым ярким является волчий образ. Мифологический, сказочный и обрядовый волк выступает как разбойник, налетчик, грабитель, похититель женщин и насильник. (Некоторые исследователи указывают на существование в Исландии даже специального термина *mordvarg* – «убийца-волк», обозначающего преступника, лишившего жизни беззащитного человека после захода солнца.⁹) Такую коннотацию волчьего образа у скандинавов можно наблюдать, например, в классической перебранке Гудмунда и Синфьётли из «Первой песни о Хельги, убийце Хундинга». Гудмунд укоряет Синфьётли:

Лакомство волчье –
падаль – глотал ты,
брата убийцей
был твоего,
всем ненавистный,
в груди камней
ползал ты, корчась,
и раны зализывал!¹⁰

С другой стороны, волк – это воин или вождь¹¹, отправляющийся добывать блага грабе-

жом в чужую землю. М. Элиаде замечает: «*Несмотря на различия в историческом и культурном отношении, очевидна структурная аналогия между совместным преследованием добычи, войной, захватом чужой территории – с одной стороны, и поведением беглецов, находящихся вне закона, – с другой. Все они уподобляются в своем поведении волку, поскольку в том или ином виде и в силу различных причин воспроизводят единый миф-первооснову*»¹².

В свою очередь, мифический ворон – это (в особенности в палеоазиатской и североамериканской зоне) похотливый и прожорливый трикстер, нарушитель установленных норм и табу, идущий против семьи и половозрастной идентификации. Змей или дракон – одиночка-изгнанник, хранитель нечестно добытых ценностей, отце- и братоубийца (ср. дракона Фафнира, повинного в смерти отца и хранящего проклятый клад).

Кроме того, в социальном отношении волчья, змеиная и воронья символика выступает также в роли групповой инициатической маркировки. Относительно волка как покровителя молодых мужчин, членов воинских союзов, существует обширная литература, и здесь мы не будем еще раз приводить аргументы в пользу такой трактовки. Что касается воронов и змей, то их следует, на наш взгляд, трактовать как символы сопричастности определенным магическим искусствам: ворона – колдовскому (псевдошаманскому) искусству, змея – магии-ремеслу (например, кузнечному делу, тесно связанному с подземным огнем, «черными», хтоническими мотивами¹³). То есть если функция волка непосредственно относится к военным занятиям викингов, то функции ворона и змея лежат в большей степени в сфере ритуальных мистических практик, относящихся к воинскому кругу – боевой магии, заклинаний удачи и т.д.

Вкратце резюмируя вышесказанное, отметим, что выбор волка, змея и ворона в качестве культурных животных-символов неизбежно означает поведение по стратегиям, предлагаемым этими образами – хищнические набеги, нахождение «вовне» (не в замкнутом уютном мире усадьбы, владения, но в походе – в холодном море, во враждебной стране), осознанное желание нести смерть, осуществляя посредническую роль, постоянное состояние «вне закона» (ср., например, положение морских конунгов), в маргинальном статусе.

Открытым, однако, остается вопрос: что привело к установлению господства этих символов в древнескандинавском культурном единстве? Мы полагаем, что выбор символики был обусловлен окончательным выбором скандинавов в пользу верховенства в пантеоне бога Одина.

В нашем понимании Один – это очевидно и изначально хтоническое чудовище, одноглазое, покровительствующее загробному миру, часто ведущее себя как откровенный трикстер¹⁴. Напомним, что спутниками Одина являются волки Гери и Фреки, вороны Хугин и Мунир. Его змеиная

природа, на первый взгляд, не столь очевидна, но в тексте «Речей Гримнира» встречаем в числе перечисляемых имен Одина имена Офнир и Свафнир, до этого названные как имена змеев, подгрызающих Иггдрасиль¹⁵. Кроме того, Один обитает в чертоге Секквабёкк, «Погруженная Скамья»¹⁶, что говорит о его связи с подводным, «змеиным» миром.

В качестве волчьего бога, Один был, очевидно, покровителем юношеских инициаций¹⁷. Воины-викинги как служители¹⁸ и первые потомки¹⁹ Одина есть ульвсерки, «псы Видрира» – оторванные от дома, от традиционно отправляемых в усадьбе культов, прошедшие особое инициатическое посвящение-оборотничество, принятые в стоящее вне соседского закона дружинное побратимство. Сам же образ Одина навязывает викингу типические «вороньи» и «змеиные» черты – колдовские умения (в частности, способность к вырезанию рун), трикстерский стереотип мстительного весельчака, скорого на небезобидные проказы, свойственную этому божеству хитрость и коварство. Выбирая волков, воронов и змей, викинг выбирал Одина и приближался к своему божеству. Он выбирал нечеловеческую, метачеловеческую судьбу, стремясь преодолеть слабость и ограничения Мидгарда. В.Ю. Сухачев характеризует это стремление так: «*“Волки” предстают как символические сингулярности, с которых спадают все культурные и социальные Я-формы, они строят свой мир по ту сторону человека, но в то же время между Богом и бестией. Эта стратегия позволяет выйти из человеческих ценностей, из мира, соразмерного человеку – “волк” больше не человек, и он уже не может вести себя так, как ведет себя человек, видеть мир человеческим взором. Быть Богом-Волком – это значит не адаптироваться к ценностям, а устанавливать, постановлять их. Фактически, это заявка на власть, способную переустроить Порядок, космос*»²⁰.

Итак, воины-викинги – это двуногие волки; однако у четвероногого волка есть клыки и когти, чтобы убивать и пожирать свою добычу, есть « жало » у змея, есть острый клюв у ворона²¹. Людям же приходится обходиться оружием. И неудивительно, что оружие оказывается прямо и непосредственно связано с волче-воронье-змеиной триадой.

Звериные образы в символике оружия выступают перед нами в трех основных аспектах. Первый из них – это символическое обретение оружия, связанное с инициатическим приятием звериной судьбы и переходом в маргинальный статус. Так, в «Песни о Хюндле» Один дарит меч Сигмунду – тому самому Сигмунду, который вскоре вместе с сыном наденет волчью шкуру и станет оборотнем²². Хельги, сын Хьёрварда, после обретения меча, местонахождение которого было указано валькириями, оказывается обречен на «волчью» судьбу – его преследует та самая

троллиха на волке, желающая стать его спутницей, а гибнет он у Волчьего камня²³.

Другой вариант связи между оружием и триадой звериных образов – акцентирование внимания на оружии как на предмете, дающем пищу волкам и воронам, то есть как на своего рода орудии жертвоприношения. Доблесть воина определяется по тому, насколько часто и успешно тот кормит волков и поит воронье. В том воинское призвание:

Умным сочла бы,
когда б он послушался
наших, сестры,
добрых советов;
о себе бы радел
и радовал ворона;
волка узнаешь
по волчьим ушам²⁴.

В одной из отдельных вис Эгиль Скаллаgrimссон попрекает юного викинга тем, что тот, фактически, еще не перешел в мужской статус:

Ты напрасно, юноша,
выбрал это место.
Редко волчьей стае
ты давал добычу.
Не видал, как ворон
каркает над кровью,
как мечи с мечами
в сечах ищут встречи²⁵.

Более того, очевидно, именно до тех пор, пока воин осуществляет свой долг, *вскармливая волков и воронов*, он сохраняет свое воинское имя и статус:

Хникар я звался,
убийство свершая
и радуя ворона,
Вельсунг юный,
теперь я зовусь
человек на утесе,
Фенг или Фьельнир;
возьмите в ладью²⁶!

Кормление волков и воронов – обязанность конунга как предводителя воинов. Эйвинд Погубитель Скальдов в «Перечне Халейгов» говорит о конунге Сигурде, что тот сам поил «птиц Грима питьем бакланов Тюра груза»²⁷ (немного тавтологично: то есть поил воронов питьем воронов (=бакланов меча)), а в отдельной висе сообщает:

Знаю, как, железом
звения остролезвым,
утолял ты в поле
голод волка, Харальд²⁸.

Эгиль Скаллаgrimссон с удовольствием упоминает, как «летели враны / на тел курганы / кои

попраны / кольями раны», а лук в «Выкупе головы» приносит «волку поживу» (**Beit fleinn floginn, þá vas friðr loginn, vas almr dreginn, varð ulfr feginn**)²⁹. В другой висе скальд обращает внимание на то, как за его «кровавым копьем и звенящим мечом» следовал ворон³⁰. Еще одно произведение восхваляет Хринга, собравшего «мечи на вече» и «насытившего воронье». Таким образом, поэтический язык изобилует примерами такого рода связи. Оружие – в частности меч – не просто убивает врага. Оно превращает его в добычу, опосредованно – «переправляет» умершего воина в обиталище Одина.

Наконец, третий, очень заметный и регулярно повторяемый в поэтических произведениях и сказаниях мотив – отождествление оружия со зверем. Тут встречаются и волчи, и вороны, и – особенно часто – змеиные образы.

Прямое сравнение меча и волка можно найти, например, у Эгиля Скаллаgrimссона:

Волк в рану впился,
и ал вал взвился,
несытой пасти
достало сласти³¹.

Грим Лысый, сын Квельдульва (кстати, считавшегося оборотнем; само имя Квельдульв означает «вечерний волк») и отец Эгиля, сетуя, сравнивает с волком свою секиру:

У секиры старой
Сталь шербата стала.
Был колун мой волком,
Стал коварной палкой³².

Нередки и «вороньи» кеннинги – «железный ворон» («вран») (*железны враны / врезались в раны*³³), «ворон битвы». Стрелы именовались «птицами лат» (см. Glymdrara Торбьёрна Хорнклови³⁴). Тормод, сын Тревила, описывая в «Речах ворона» битву, в которой погиб скальд Вигфус, говорит, что его плоть рвали «вороны крови» (=мечи или секиры)³⁵.

Тем не менее одни из самых частых кеннингов для обозначения меча – змеиные. Тут встречаются как простые и очевидные «гадюка крови», «змея крови», «кровавый червь», «уж», «змея тарча», «дракон ножен»³⁶, так и переносные характеризующие конструкции – например, *fofbit* «кусающий за пятки» (меч из «Саги о людях из Лососьей Долины»³⁷) или *logbit* «кусающий за ногу».

Валькирии в песне так описывают меч, предназначенный для Хельги, сына Хьёрварда («Песня о Хельги, сыне Хьёрварда»):

С кольцом рукоять,
храбрость в клинке,
страх в острие
для тех, чьим он станет;
на лезвие змей

окровавленный лег,
другой обвивает
хвостом рукоять³⁸.

Почему доля символических змеев так высока в образах древнескандинавского оружия? Причин тому, на наш взгляд, несколько.

1. Технология изготовления. Скандинавские мастера были знакомы с техникой *дамаскировки*, т.е. последовательной сковки стальных полос. Такая методика вела к образованию на брусе стали узоров, похожих на змеиное тело или переплетенные змеиные тела. Впоследствии многие из таких мечей были соответствующим образом декорированы. Некоторые исследователи также говорят о том, что во время обработки меч подвергали травлению³⁹ – и именно об этом, а вовсе не об использовании отравленного оружия, свидетельствует, например, упоминание «*капли яда на мече*» в «Речах Фафнира». Естественно, такого рода обработка воспринималась и метафорически – вкладывание капли яда дополнительно отождествляло меч со змеей.

2. Суеверный смысл, заклинание удачи. Змей – это далеко не всегда просто некая лесная змея. Это еще и чудовищный дракон, о которых известно, что они добывают и хранят золото, т.е. изображение дракона (=змея) на мече должно принести удачу и подарить хозяину клинка богатство.

3. Гипотетический мифолого-космогонический смысл. В порядке предположения вспомним, что частый обозначающий война кеннинг – «яшень битвы» в различных вариациях. Сопоставление воина, мужского тела с ясенем (Иггдрасилем?), а меча, отнимающего жизнь воинов, – со змеем (ср. дракона Нидхёгга) – не есть ли своего рода «опрокидывание» космогонии в жизнь человека? Нам это представляется весьма вероятным. Языческое мировоззрение было в значительной степени более материалистическим, нежели, к примеру, христианское, и физическая смерть, по всей видимости, представлялась викингу дуально: с одной стороны, надежда на возрождение в Вальхалле (или даже на земное перерождение), а с другой – принятие мрачной, неотвратимой судьбы, окончание героического пути, крушение мира, где каждая битва может стать твоим личным Рагнарёком.

Подводя необходимый итог, следует заметить, что, вне всяких сомнений, звериные образы занимали значительное место в мифологической семантике древних скандинавов. В символической системе образы волка, ворона и змея оказались теснейшим образом связаны с культом оружия и воинской инициационной обрядностью, с культом смерти и хтонической по своей глубинной сути религией Одина, став своего рода мрачными гербами всей эпохи викингов.

Примечания

- 1 Любопытно, что Снорри Стурлуссон говорит о вороне, как о птице, которую «принято обозначать в кеннингах не иначе, как называя кровь и трупы». См.: Стурлуссон Снорри. Младшая Эдда. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litru.ru/?book=26222&page=33> (дата обращения: 12.02.2010).
- 2 См. напр.: Волк // Мифы народов мира: Энциклопедия / Под ред. С.А. Токарева: В 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 242; Бедненко Г.Б. Образ волка у индоевропейцев. [Электронный ресурс]. URL: <http://mythodrama.indeer.ru/theory/wolf.html> (дата обращения: 15.02.2010).
- 3 См.: Змей // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 1. С. 468–470.
- 4 См.: Шкаев Д.Г. Дискретный анализ индоевропейских основ общей германо-скандинавской мифологической традиции хтонического поединка. [Электронный ресурс]. URL: http://www.humanities.edu.ru/db/msg/45748#_edn8 (дата обращения: 11.02.2010).
- 5 Песнь о Хельги сыне Хьёрварда. [Электронный ресурс]. URL: <http://norse.ulver.com/edda/helgah.html> (дата обращения: 13.02.2010).
- 6 Песнь о Хюндле. [Электронный ресурс]. URL: <http://norse.ulver.com/edda/hyndlu.html> (дата обращения: 13.02.2010).
- 7 См.: Иванов В.В. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка // Изв. АН СССР. Сер. Лит. и яз. 1975. № 5. С. 399–408; Иванчик А.И. Воины-псы. Мужские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию // Советская этнография. 1988. № 5.
- 8 См.: Петров Ф.Н. Северный миф о гибели мира // Петров Ф.Н. Эсхатологический миф: миф о грядущей гибели и последующем возрождении мира. Челябинск, 2001. 108 с.
- 9 См.: Butt W. Zur Herkunft der Voluspá // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur (PBB). 1969. Iss. 91. P. 82–103.
- 10 Первая песнь о Хельги убийце Хундинга, 38 / Пер. В. Тихомирова. [Электронный ресурс]. URL: <http://norse.ulver.com/edda/helga1.html> (дата обращения: 13.02.2010).
- 11 С.А. Токарев отмечает атрибуцию многих династий древности и средневековья «волчьими мифами» – ср. легенду о вскармливании Ромула и Рема волчицей, истории в «Сокровенном сказании о монголах» и т.д.
- 12 Элиаде М. От Залмоксиса до Чингисхана // Кодры. 1991. № 7. С. 7.
- 13 См.: Иванов В.В., Топоров В.Н. Проблема функций кузнеца в свете семиотической типологии культур // Материалы Всесоюз. симпозиум по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1974.
- 14 Ср.: Песнь о Харбарде / Пер. В. Тихомирова // Корни Иггдрасиля. М., 1997. С. 61–72.
- 15 Речи Гримнира, 54 / Пер. А. Корсуна. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fbit.ru/free/myth/texty/sedda/rgrimn.htm> (дата обращения: 13.02.2010).
- 16 Там же. 7.
- 17 См.: Мелетинский Е.М. Скандинавская мифология

- как система // Труды по знаковым системам, VII. Тарту, 1975.
- 18 Интересно отождествление поздним скальдом-христианином язычника, веровавшего в Одина, с псом или волком – см. хулительные стихи Халльфреда Трудного Скальда против Мара: Халльфред Трудный Скальд. Отдельные висы. [Электронный ресурс]. URL: <http://norse.ulver.com/poetry/hallfred.html#other> (дата обращения: 18.02.2010).
 - 19 Песнь о Риге. [Электронный ресурс]. URL: <http://norse.ulver.com/edda/rigstula.html> (дата обращения: 13.02.2010).
 - 20 Сухачёв В.Ю. «Волки»: по ту сторону человека. Между Богом и бестией. [Электронный ресурс]. URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/sukhach/wolfs.html> (дата обращения: 17.02.2010).
 - 21 Е.М. Мелетинский отмечает наличие мифов, где ворон имеет железные когти и клюв. См.: Ворон // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 1. С. 245–247.
 - 22 Песнь о Хюндле, 3. [Электронный ресурс]. URL: <http://norse.ulver.com/edda/hyndlu.html> (дата обращения: 13.02.2010).
 - 23 Песнь о Хельги сыне Хьёрварда. [Электронный ресурс]. URL: <http://norse.ulver.com/edda/helgah.html> (дата обращения: 13.02.2010).
 - 24 Речи Фафнира, 35. [Электронный ресурс]. URL: <http://norse.ulver.com/edda/fafnis.html> (дата обращения: 13.02.2010).
 - 25 Эгиль Скаллагримссон. Отдельные висы. [Электронный ресурс]. URL: <http://norse.ulver.com/poetry/egill.html> (дата обращения: 18.02.2010).
 - 26 Речи Регина, 18. [Электронный ресурс]. URL: <http://norse.ulver.com/edda/regins.html>
 - 27 Эйвинд Погубитель Скальдов. Перечень Халейгов, 11, [Электронный ресурс]. URL: <http://norse.ulver.com/poetry/euvindr.html> (дата обращения: 18.02.2010).
 - 28 Эйвинд Погубитель Скальдов. Отдельные висы. [Электронный ресурс]. URL: <http://norse.ulver.com/poetry/euvindr.html> (дата обращения: 18.02.2010).
 - 29 Эгиль Скаллагримссон. Выкуп головы. Корни Иггдра-сила. М., 1997. С. 273–276.
 - 30 Любопытно также, что Хникар в «Речах Регина» упоминает, что для «древа меча» лучший спутник – «сумрачный ворон». См.: Речи Регина, 20. [Электронный ресурс]. URL: <http://norse.ulver.com/edda/regins.html> (дата обращения: 13.02.2010).
 - 31 Эгиль Скаллагримссон. Выкуп головы, 11.
 - 32 Грим Лысый, сын Квельдульва. Отдельная виса. [Электронный ресурс]. URL: <http://norse.ulver.com/poetry/skallagrimsr.html> (дата обращения: 18.02.2010).
 - 33 Там же. 7.
 - 34 Торбьёрн Хорнклови. Глюмдрапа. [Электронный ресурс]. URL: <http://norse.ulver.com/poetry/glymdrapa.html> (дата обращения: 18.02.2010).
 - 35 Тормод, сын Тревиля. Речи Ворона. [Электронный ресурс]. URL: <http://norse.ulver.com/poetry/thormodhtr.html> (дата обращения: 18.02.2010).
 - 36 Сага о могильном жителе. [Электронный ресурс]. URL: <http://norse.ulver.com/src/isl/kumlbui/ru.html> (дата обращения: 21.02.2010).
 - 37 Сага о людях из Лососьей Долины. [Электронный ресурс]. URL: <http://norse.ulver.com/src/isl/laxdaela/ru.html> (дата обращения: 21.02.2010).
 - 38 Песнь о Хельги, сыне Хьёрварда. [Электронный ресурс]. URL: <http://norse.ulver.com/edda/helgah.html> (дата обращения: 13.02.2010).
 - 39 Симпсон Ж. Викинги: быт, религия, культура. М., 2005. С. 146.

УДК 94 (437) [11/14]

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ КАРЛА IV ЛЮКСЕМБУРГА

А.Н. Галямичев

Саратовский государственный университет

E-mail: Galyaman@rambler.ru

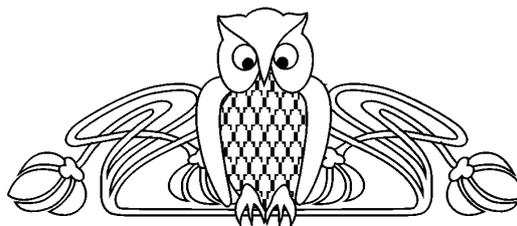
В статье¹ рассматривается вопрос о том, как чешский король и император Карл IV Люксембург (1346–1378) использовал кирилло-мефодиевскую традицию для укрепления своей власти.

Ключевые слова: Чехия, Карл IV Люксембург, Св. Кирилл, Св. Мефодий.

Tradition of St. Cyril and St. Methody in States Conception by Karl IV Luxemburg's

A.N. Galyamichev

The author of this article examine the problem: how Bohemian king and imperator Karl IV Luxemburg (1346–1378) attempted

tradition of St. Cyril and St. Methody for strengthening his rule.

Key words: Bohemia, Karl IV Luxemburg, St. Cyril, St. Methody.

Время правления короля Карла IV из династии Люксембургов (1346–1378) занимает особое место в истории чешского средневековья, выступая в восприятии историков прошлого и настоящего в качестве её «золотого века».

Карл IV первым из чешских правителей, которые в 1158 г. приобрели передаваемый по наследству королевский титул, был избран в 1346 г. императором Священной Римской империи и при этом, в отличие от своих ближайших предшественников и преемников на императорском престоле, строил далеко идущие планы восстановления могущества империи.